

А. М. АСТАХОВА

К вопросу об отражениях в русском былинном эпосе сказания о Еруслане

Вопрос о взаимодействии повести о Еруслане Лазаревиче и русского богатырского эпоса не раз поднимался в научной литературе. Указывались явные отражения былинных образов, эпической фразеологии, устойчивых былинных формул, самого духа русского эпоса в списках повести.¹ С другой стороны, отмечались проявления обратного процесса — воздействия повести на эпос.

Так, еще Ор. Миллер высказал предположение, что эпизод испытания силы коня путем удара его по спине в одной из сказок об Илье Муромце,² повторяющий эпизод иранской поэмы Шах-наме, мог «перейти к нам через сказку об Уруслане Залазаровиче».³ Несколько позднее вопрос об отражениях «Еруслана» в эпосе об Илье Муромце был затронут Вс. Миллером в связи с рассмотрением финских сказок об Илье.⁴ Вс. Миллер отметил в этих сказках отголоски эпизода встречи Еруслана (Уруслана) с русским богатырем Иваном и смешение спящего Святогора (в финской сказке — Раслана) с исполином Росланеем, чью гигантскую голову встречает в поле Еруслан. Вс. Миллеру принадлежит и специальная заметка «Илья Муромец и Еруслан Лазаревич».⁵ В ней сообщаются еще два случая перенесения мотивов «Еруслана» в былинно-сказочный эпос об Илье Муромце. Сказитель В. Щеголенок вводит в сводную былинную эпизод встречи Еруслана с царевнами, которых он расспрашивает, есть ли кто на свете их краше, а его, Еруслана, сильнее. Ответ одной из них, что краше — дочь индейского царя, служит завязкой следующего похождения героя: Еруслан едет в Индейское царство, освобождает дочь царя от Змея и женится на ней. В былине В. Щеголенка этот эпизод включен в рассказ о дочерях Соловья-разбойника, из которых меньшая говорит Илье о красоте дочери короля «подсолнечного града». Но перенесен эпизод механически, с дальнейшим повествованием не связан, что характерно для данного сказителя, не раз допускавшего вставки в традиционную компози-

¹ См., например: Ор. Миллер. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869 (в дальнейшем: Ор. Миллер), стр. 47—49; Д. Ровинский. Русские народные картинки (в дальнейшем: Ровинский), V, СПб., 1881, стр. 114, примечание; Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, изд. 6-е. М., 1956, стр. 384—385 и др.

² А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, в. III. М., 1858, № 11. (Перепечатано с сокращениями: Песни, собранные П. В. Киреевским, в. I. М., 1860, Приложения, стр. II).

³ Ор. Миллер, стр. 183.

⁴ Вс. Миллер. Экскурсы в область русского эпоса. М., 1892, стр. 167—170.

⁵ Этнографическое обозрение, кн. XII, 1892. (Перепечатано: Вс. Миллер. Очерки русской народной словесности. М., 1897, стр. 404—409).

цию, не оправданные развитием сюжета.⁶ В другой записи от Щеголенка той же былины⁷ указанной вставки нет.

Аналогичный эпизод отмечен Вс. Миллером в одной украинской сказке об Илье Мурине. В эту сказку перенесены и некоторые другие похождения Еруслана (избавление девушки от Змея, исцеление слепых родителей богатыря-чародея, встреча с исполинской головой и др.).⁸ По справедливому заключению Вс. Миллера, эта сказка подтверждает, «как свободно в народе на популярное имя Ильи Муромца переносились похождения Еруслана Лазаревича».⁹

Взаимодействие сказания о Еруслане и русского богатырского эпоса вполне закономерно. Пересказы былин в виде «повестей», «сказаний», «историй» еще с XVI—XVII вв. заносились в рукописные сборники, так же как «истории», «сказания», «сказки» о Еруслане. И те и другие принадлежали к единой линии литературы, обслуживавшей преимущественно демократические круги читателей; они повествовали о героических подвигах, направленных против насилия, на защиту слабых и попавших в беду. Исследования повести о Еруслане показали, что с самого начала ее появления в рукописной традиции она подверглась сильному влиянию русской эпической поэзии, сказавшемуся прежде всего в усилении гуманистического характера изображаемых подвигов и походов. Это еще более сблизило повесть и эпос.

Естественно предположить, что взаимодействие могло иметь место уже при включении произведений в сборники. Еще сильнее оно должно было сказаться в устной традиции при совместном бытовании повести, перешедшей в сказку, и былин (а также сказок на былинные сюжеты).

Характерно отношение сказителей эпоса к сказкам о Еруслане. Те из них, кто пренебрежительно относился к сказкам вообще,¹⁰ делали исключение для сказок о Еруслане и выделяли их вместе со сказками о Бове в особую группу близких к былинам. Занежский сказитель М. Е. Самылин, например, во время записи от него в 1926 г. говорил: «Сказки неинтересны, другое дело старины». Исключение он делал только для сказки о Еруслане Лазаревиче, которую воспринимал как родственную былинам. В сознании пинежского исполнителя Г. С. Обросова прочитанная им побывавщина о Добрыне и неудачной женитьбе Алеши Поповича объединялась с лубочными повестями о Бове и Еруслане: «Добрыня Никитич, Бова-королевич да Еруслан Лазаревич — сказки такие есть долгие, их не сказать, по книжке читывал».¹¹ Это отношение к «Бове» и «Еруслану» часто приводило к тому, что в фольклорный репертуар многих исполнителей былин, даже при малом знании ими сказок вообще, входили сказки о Еруслане и Бове.¹²

В настоящее время мы располагаем, помимо уже отмеченных в литературе, еще целым рядом фактов, показывающих отражение в эпосе сказаний о Еруслане.

⁶ Е. В. Барсов. Памятники народного творчества в Олонецкой губернии. — Записки Русского географического общества по Отд. этнографии, III. СПб., 1873, стр. 22—29.

⁷ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом, изд. 4-е, т. II. М.—Л., 1950, № 120.

⁸ Вс. Миллер. Очерки..., стр. 407—409.

⁹ Там же, стр. 409.

¹⁰ См., например: Былины Севера, т. II. М.—Л., 1951, стр. 10.

¹¹ Там же, стр. 610.

¹² См. упоминания об этом: Былины Севера, т. I. М.—Л., 1938, стр. 162, 514; т. II, М.—Л., 1951, стр. 471, 595; А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни (в дальнейшем: Григорьев), I. М., 1904, стр. 164, 268 и др.

В позднейших записях сказок об Илье Муромце не раз встречается тот эпизод выбора коня путем наложения на него руки, который был отмечен Ор. Миллером в одной из сказок как перенесенный из «Ерусалана». В записанной в 1933 г. в Кандалакше от И. К. Лопинцева сказке¹³ эпизод этот рассказан таким образом. Илья Муромец после получения силы приходит пешком к князю Владимиру и заявляет о своем желании защищать родину. Князь Владимир предлагает ему выбрать у него в конюшне «самолучшего коня». Но Илье не удается найти подходящего: «какого коня ни ударит, не могла лошадь выдержать, падала на колени». Узнав об этом, князь советует Илье идти в леса, к пастуху, и там в табуне сыскать себе коня. Далее рассказывается: «Долго по лесу ходил. Наконец нашел эту дорожку, сел к дубу и посиживает. Слышит: ржут лошади. Идут, бежат к реки пить. Проходит весь табун мимо Ильи Муромича. Одную лошадь заметил хорошую, которую хотел поймать. Дождался пастухов, выпросил у пастухов. Пастухи сказали: „Имай, какая лошадь тебе нужна. Но мы в жизни не могли никогда ее поймать. И лошадь эта идет мимо этого дуба с пойла первая — бегаёт всегда“. Тогда Илья сел за дуб и сказал: „Будет моя!“

«Бежит лошадь мимо дуба. Илья прикрывся дубом и на лошадь ударил рукой. Лошадь упала на колени, и он сказал ей: „Ты, чертовка, должна служить мне. Стань передо мной, как лист перед травой!“ Илья Муромец схватил за гриву, и все стадо прошло. Он удержал лошадь до пастухов. Когда пришедши пастухи, он сказал: „Давайте уздечку, седло! Я сяду на ней и поеду“. В это время дали уздечку, седло. Он сел, распростился и поехал».¹⁴

Напомним соответствующие места эпизода выбора коня Ерусланом Лазаревичем в обработке лубочной сказки. Изгнанный из царства Картауса, Еруслан не может в конюшнях отца выбрать себе «доброе коня». Он отправляется к морю, к пастуху своего отца — Ивашке. Тот говорит, что у него в стаде есть подходящий конь, которого Еруслан может увидеть, когда он, Ивашко, погонит коней на водопой: «И ты его увидишь, и ежели его тут не поймаешь, то вовеки его не поймать тебе».¹⁵

«... и поутру встал рано, пошел в поле, взял с собою уздицу тесмянную да седельцо черкасское и плетку шелковую и стал в скрытом месте под дубом, чтоб его никто не видал». Он замечает среди коней особо могучего жеребца. «И как поравнялся жеребец против его, то выскочил он из-под дуба и ударил коня наотмашь рукою. И конь пал на колени. Он ухватил его за гриву сизую, а сам взговорит таково слово: „О, несытая кляча, доброй конь, кому будет на тебе ездить, что не нам, богатырям“. И надел на него уздицу тесмянную и седельцо черкасское и поехал к палате белокаменной».¹⁶

В двух записях, произведенных И. Этиной в 1935 г. в деревне Гридино на западном берегу Белого моря и в Петрозаводске, эпизод выбора коня передан кратко, но генетическая связь его с отмеченным эпизодом «Еруслана» в виде смутных припоминаний совершенно очевидна.

В варианте из Петрозаводска говорится: «Тогда пошел Илья в стадо, стал выбирать себе лошадь. Набросил руку на лошадь, она пала. Одним словом как сказать: ходил жеребец трех лет, положил Илюша руку на спину его, он даже не почувствовал. Тогда сел Илья на коня и поехал».

¹³ Былины Севера, т. II, стр. 671—675.

¹⁴ Там же, стр. 672.

¹⁵ Ровинский, I, стр. 45.

¹⁶ Ровинский, I, стр. 45—46.

Гридинский вариант передает эпизод несколько иначе: «Вот Илья Муровец поехал в чистополье искать себе коня. Идет пастух, гонит лошадей. Илья Муромец говорит пастуху: „Давай-ка мне лошадку, ту, которая у тебя лучше в стаде“. Пастух отвечает: „Выбирай сам, которая тебе нравится“. Илья Муровец выбрал себе лошадь, ту, которая ему нравится».

В указанной выше сказке И. К. Лопинцева припоминания из «Еруслана» и прямое смешение Ильи Муромца с Ерусланом Лазаревичем наблюдаются и в дальнейшем ходе повествования: встреча Ильи в шатре на поле с богатырем, с которым он после поединка братается и едет вместе против Соловья-разбойника (эпизод встречи Еруслана с Иваном, русским богатырем); драка коней Ильи и этого богатыря у яслей с кормом; наименование неузнанного сына Ильи Ерусланом; возвращение с ним Ильи к матери Еруслана — Вахрамеевне.

К отголоскам «Еруслана», мне думается, следует отнести в кулойско-мезенской традиции некоторые детали местной разработки сюжета об Илье Муромце и Сокольнике, в былинах других районов не встречающиеся: предысторию о детстве Сокольника, о том, что другие дети бранят его «заугольником» (это и побуждает его ехать отыскивать отца), и эпизод узнавания сына по перстню,¹⁷ а также благополучный исход встречи Ильи Муромца с сыном в двух мезенских вариантах.¹⁸

По-видимому, из «Еруслана» перенесен в один из рукописных пересказов XVIII в. былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике эпизод богатырских «шуточек» (кого возьмет за руку — руку оторвет и т. д.) в применении к Илье.¹⁹ Эпизод этот, передающий огромную мощь молодого богатыря, не умеющего или не желающего соизмерять свои силы, является общим эпическим местом и встречается в ряде былин; органически вошел он, например, в былинку о Василии Буслаевиче, где он соответствует общей характеристике героя. Но это изображение настолько противоречит всему облику Ильи Муромца, что вряд ли могло попасть в запись непосредственно из устной традиции. Кстати, в изустных записях этот мотив применительно к Илье нигде не встречается. Поэтому скорее всего можно предположить, что здесь произошло смешение Ильи Муромца с Ерусланом Лазаревичем: такие «шутки шутит» молодой Еруслан, и это является причиной изгнания его из царства Картауса (Киркоуса).

Кроме отдельных деталей и эпизодов, перенесенных из «Еруслана» в былинный эпос и в сказки об Илье Муромце, встречаем попытки ввести всю повесть о Еруслане или отдельные ее части в круг былинных сюжетов.

О том, что «Еруслан» как будто распевался в виде былины, имеются указания еще у А. Д. Григорьева, который слышал об этом от разных сказителей Пинеги и Кулойско-Мезенского края.²⁰ Подводя итоги особенностям кулойско-мезенской традиции, он писал: «...здесь хорошие певцы настолько хорошо владеют эпическим стихом, что готовы переложить в стихи переводную сказку о Еруслане».²¹

¹⁷ См.: Григорьев, II, №№ 76 и 87; III, №№ 42, 64, 85, 88; Былины Севера, т. II, № 40.

¹⁸ Григорьев, III, №№ 85, 88. Не останавливаясь на обосновании этих предположений ввиду невозможности сделать это в настоящей краткой заметке.

¹⁹ Гистория о славном и о храбром и сильном богатыре Илье Муромце сыне Ивановиче и о Соловье Разбойнике. — ТОДРА, т. IV. М.—Л., 1940, стр. 242—246. Тождественные тексты: Этнография, 1927, № 1, стр. 109—113 и неопубликованный из собрания Титова, № 3315 (ГПБ).

²⁰ См.: Григорьев, I, стр. 148, 309; III, стр. 130—131.

²¹ Григорьев, II, стр. 27.

Записи советского времени свидетельствуют, что такие факты действительно имели место в эпической традиции.

В 1928 г. в Пудожском районе экспедицией братьев Б. и Ю. Соколовых были записаны былина «Еруслан Лазаревич» от Г. А. Якушова и «Былина про Индею богатую» от Ф. А. Конашкова.²²

Былина Якушова представляет обширный текст, в 618 стихов, в котором очень стройно, в хорошем эпическом стиле изложен ряд подвигов Еруслана Лазаревича. Из основных эпизодов сказки исключены встреча Еруслана в поле с Иваном русским богатырем и, соответственно с этим, подвиги Еруслана, связанные с этой встречей, а также весь эпизод освобождения царства Картауса от Данилы Белого и исцеления ослепленных Картауса, Лазаря и богатырей. Все же начальные эпизоды — «ребячьи забавы» Еруслана, выбор коня в стаде пастуха, добывание доспехов и отъезд — не только сохранены, но и переданы подробно и по-былинному, с использованием традиционных эпических формул (см., например, укор коню, снаряжение богатыря, седлание коня, выезд Еруслана и др.). Эпически переданы и сцены единоборства и битв. Из всех известных нам, переложённых в былины сказителями XIX—XX вв. сказок былина Г. А. Якушова — одна из самых удачных, чему, конечно, способствовала, кроме мастерства сказителя, близость «Еруслана» к героическому эпосу. Как правильно отметил В. И. Чичеров, «Еруслан оказывается как бы отражением Ильи». Сказитель сумел придать былинне о Еруслане «черты, свойственные всем его другим былинам, оказавшись не только воссоздателем произведений, уже бытовавших ранее, но и создателем нового, своего текста».²³

Иной характер носит былина Ф. А. Конашкова. В ней используется эпизод столкновения Еруслана с Ивашкой Белой Епанчой. Кроме Ивашки, включен Данила Белый, однако он связан с «Ерусланом» только по имени, роль же его в былинне совсем другая. Здесь он основной герой. Чтобы выполнить просьбу своей дочери — привезти ей из Индеи дорогие платья и перстни, русский богатырь Данила Белый вступает в единоборство с могучим богатырем Ивашкой Сорочинским, охраняющим царство Индейское, не пропускающим «без доклада» «ни прохожего, ни проезжего». Бой богатыри кончают полюбовно, Ивашка дает пропуск в Индею, и Данила привозит дочери подарки. В 1937 г. былина была записана от Ф. А. Конашкова вторично, причем сказитель несколько сократил текст с 95 стихов до 72 (выпущена начальная сцена пира, на котором князь Владимир назначает Ивашку сторожем — охранителем Индеи).²⁴

Является ли былина запомнившимся Конашкову фрагментом более содержательного повествования или это попытка самого сказителя сложить былинну на основе некоторых элементов сказки о Еруслане — неизвестно. Вероятнее — первое. Заслуживает внимания заявление самого Конашкова, что былинну он перенял от «Утки», т. е. Никифора Прохорова. «Это единственный случай, — пишет А. М. Линеvский, — когда Конашков отметил связь своего репертуара с иным сказителем» (т. е. с кем-то, помимо своего дяди, на которого он постоянно ссылался).²⁵ Ссылка на Н. Прохорова ин-

²² Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов акад. Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова. М., 1948, №№ 31 и 92.

²³ Там же, стр. 59.

²⁴ Сказитель Ф. А. Конашков. Подготовка текстов, вводная статья и комментарии А. М. Линеvского. Под ред. А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1948, № 20. (В дальнейшем: Конашков).

²⁵ Конашков, стр. 201.

интересна тем, что в репертуаре этого сказителя оказалась распетая в былинную сказку «Ванька удовкин сын».²⁶ Вероятно, Прохорсов мог распеть и сказку о Еруслане или какие-либо из ее частей.

Сказки о Еруслане, распетые в виде былин, записаны также в Беломорье, в деревне Зимняя Золотица. Это два варианта М. С. Крюковой (один — полный, другой — незаконченный) и вариант А. В. Стрелковой. Все три записаны в 1938—1939 гг. Э. Г. Бородиной, любезно предоставившей мне эти записи для ознакомления и использования в настоящей заметке.

Оба варианта М. С. Крюковой отличаются чертами, характерными для всех ее былин: они очень растянуты (незаконченный вариант, обрывающийся на эпизоде освобождения царства Картаусского от Данилы Белого, включает 1169 стихов; полный, передающий все эпизоды сказки, — около 1500 стихов), чрезмерно детализируют отдельные эпизоды, изобилуют повторениями, описаниями, вставными, придуманными самой М. С. Крюковой эпизодами. По словам сказительницы, у них в доме была сказка о Еруслане «в лицах», т. е. лубочные картинки с текстом сказки, который и послужил для М. С. Крюковой источником.

Запись от М. С. Крюковой сказки о Еруслане, распетой в былинную, конечно, еще не давала бы права говорить о наличии в Беломорье определенной традиции: общеизвестна страсть Крюковой «пропеть» в виде былин и сказки, и повести, и исторические песни и предания. Поэтому особенно большой интерес представляет третья запись Э. Г. Бородиной, свидетельствующая, что распевание «Еруслана» в Зимней Золотице не являлось только индивидуальной чертой творчества М. С. Крюковой.

Былина А. В. Стрелковой «Про Еруслана Лазаревича» центром повествования делает историю отношений Еруслана и Вахрамеевны. Герой после встречи с царем Вахрамеем в поле, единоборства и братания едет в его царство и женится на его любимой дочери Василиске. Но нападение врагов заставляет его покинуть надолго жену, которой он оставляет для ожидаемого ребенка драгоценный перстень. После битв с врагами Еруслан попадает в незнакомую страну, здесь прельщается молодой королевой и забывает жену. Встреча и бой с молодым богатырем, в котором он по перстню признает сына, возвращает его к Вахрамеевне. В эту новеллистическую сюжетную канву включен ряд героических эпизодов. Ни по содержанию, ни по стилю былина ничего общего с текстом М. С. Крюковой не имеет. Она кратка (всего 150 стихов) и динамична. Возможно, что оформление фрагментов «Еруслана» в былинную с целостным сюжетом принадлежит самой А. В. Стрелковой, от которой записан еще ряд былин, или кому-либо в ее семье: по словам сказительницы, отец ее, В. Е. Суботин, и братья читали про Еруслана «по книжке».

Приведенные факты говорят о том, что отражения в былинах и сказках на былинные сюжеты сказания о Еруслане, заметные уже в XVIII в., усиливаются к концу XIX и началу XX в., когда все более и более нарушаются жанровые границы былины и сказки.

²⁶ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. II, изд. 2-е. М., 1910, № 126.